

СОВЕТСКАЯ ШПИОНОМАНИЯ В СССР: угроза иностранных разведок или механизм борьбы с внутрипартийным инакомыслием?

А.В. Черепанов

Аннотация. Тематика статьи затрагивает период идейно-политического противостояния фракционных лагерей в ВКП(б), сформировавшихся как противовес сталинским методам государственного управления. Период идейно-политической борьбы происходил на фоне форсированного перехода от НЭП к индустриализации, что еще больше обострило столкновение некогда бывших соратников. Сложившаяся в партии система неформальных отношений послужила причиной расширения конфликта, вылившись со временем в личное сведение счетов. Разгром внутрипартийного инакомыслия заставил многих фракционеров заявить об отходе от своих убеждений или погибнуть за отстаиваемые идеалы. Следует сказать, что внутрипартийные дискуссии сталинского периода достаточно сложны и противоречивы, вследствие чего являются весьма популярной темой в исторических исследованиях. Однако в процессе своей деятельности фракционеры, объединенные под термином «оппозиция» обвинялись не только в отстаивании идеологически вредных доктрин, но и сотрудничестве с иностранными разведками, террористической и диверсионной деятельности. Подобный акцент следует принять во внимание с учетом сложившейся на тот момент политической ситуации. На основе архивного документа, сопоставляемого с материалами периодической печати рассматриваемого периода, автор анализирует масштаб преследования проявлений фракционности. Попытки иностранных держав развернуть свою агентурную сеть на территории страны советов представлялись хорошей возможностью для обвинений приверженцев разных внутрипартийных лагерей в пособничестве вражеской резидентуре. В рамках данной статьи предпринята попытка разобраться, насколько эти обвинения могли быть реальны и обоснованны.

Ключевые слова: сталинская оппозиция, идеология левого коммунизма, Красная армия, центры русской эмиграции, иностранная разведка.

Для цитирования: Черепанов А.В. Советская шпиономания в СССР: угроза иностранных разведок или механизм борьбы с внутрипартийным инакомыслием? // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Часть 2. С. 328–338. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-328-338

© Черепанов А.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

SOVIET SPY FEVER IN THE USSR: The Threat of Foreign Intelligence
or a Mechanism to Combat Internal Party Dissent?

A.V. Cherepanov

Abstract. *The topic of the article concerns the period of ideological and political confrontation of factional camps in the All-Union Communist Party (Bolsheviks), formed as a counterbalance to Stalin's methods of state governance. The period of ideological and political struggle was taking place against the background of the forced transition from the NEP to industrialization, which further exacerbated the clash of former comrades-in-arms. The system of informal relations established in the party caused the conflict to expand, eventually developing into a personal score-settling. The defeat of intraparty dissent forced many factionalists to backtrack on their views or to die for the ideals they espoused. It must be said that the intraparty discussions of the Stalin period are quite complex and contradictory, making them a very popular topic of historical research. However, in the course of their activities, factionalists united under the term «opposition» were accused not only of upholding ideologically harmful doctrines, but also of cooperation with foreign intelligence services and terrorist and subversive activities. This kind of emphasis should be taken into account in view of the political situation prevailing at the time. On the basis of the archival document, compared with the materials of the periodical press of the period under consideration, the author analyzes the scale of persecution of manifestations of factionalism. Attempts by foreign powers to deploy their network of agents in the Soviet country were a good opportunity to accuse adherents of different intra-party camps of aiding and abetting the enemy's residence. The purpose of the article is to examine how real and substantiated these accusations might have been.*

Keywords: *Stalin opposition, ideology of left communism, the Red Army, centers of Russian emigration, foreign intelligence.*

Cite as: Cherepanov A.V. Soviet Spy Fever in the USSR: The Threat of Foreign Intelligence or a Mechanism to Combat Internal Party Dissent? *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 4, part 2, pp. 328–338. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-328-338

329

Когда в исторической литературе затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью иностранных разведок, такого рода тема невольно приковывает к себе внимание. Интерес не только специалистов, но и широкой общественности к секретным подразделениям всегда обусловлен ареалом чего-то таинственного, по-настоящему авантюрного и захватывающего. Влияние художественной литературы и кинематографа, сформировавших образ разведчика, наложило свой отпечаток на восприятие деятельности специальных служб.

Цель настоящей публикации — прибегнув к анализу архивного документа,

выяснить характер приема внутрипартийной борьбы с фракционными группировками посредством их обвинения в шпионаже.

Поставленная цель подразумевает решение ряда задач, а именно: рассмотреть степень влияния сталинской оппозиции на советское общество, оценить политический потенциал оппозиции в советской государственной структуре, проанализировать возможность борьбы с внутрипартийной оппозицией посредством обвинений в сотрудничестве с иностранными разведками.

При достижении поставленной цели и решении задач автор опирался на

архивные источники. Преимущественно это письменные источники, хранящиеся в фондах РГВА (Российского государственного военного архива) и РГАСПИ (Российского государственного архива социально-политической истории), некоторые из них были впервые введены в научный оборот.

Во внимание был взят фонд № 9 архива РГВА, содержащий документы Политического управления РККА, где автор ознакомился с донесениями и выписками особых отделов политуправлений военных округов об оппозиционных группировках в частях Красной армии [1, л. 135–135 об.].

Помимо этого был просмотрен научно-справочный аппарат фонда № 558 архива РГАСПИ, содержащий документы И.В. Сталина. В ходе архивных разысканий, удалось обнаружить документ, адресованный в ЦК ВКП(б) лично И.В. Сталину [2, л. 1].

Содержание и характер этого документа позволяют говорить о сильном интересе отечественных спецслужб к методам работы иностранных разведок.

Осознавая при этом идеологическую заинтересованность прессы в освещении тех или иных событий под определенным углом для понимания причин обвинений фракционеров в шпионаже, в разработку были включены материалы периодической печати [3; 4], также изданные ранее и опубликованные в тематических сборниках документы коммунистической оппозиции в СССР [5], рубрика «Из архивов партии» в тематическом партийном журнале советской эпохи [6, с. 165–180; 7, с. 189; 8, с. 191], где публиковались материалы сталинской оппозиции в 1920-х и 1930-х гг.

Без внимания не были оставлены и мемуары Л.Д. Троцкого [9] и А.М. Лариной-Бухариной [10], заявления Г.Е. Зиновьева

[11]. Совокупность этих материалов позволила оценить масштаб оппозиционных настроений, характер проходящих в партии дискуссий и интерпретацию обвинений. При работе с источниками личного происхождения автор учитывал определенную степень их субъективности и возможность искажения общепринятой исторической канвы.

Специфика работы определила методологию, опирающуюся как на общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, систематизацию), так и специальные исторические (историко-системный, историко-генетический, историко-типологический).

Деятельность оппозиции рассматривается как проблемный вопрос об альтернативном политическом развитии СССР, а обвинения фракционеров в сотрудничестве с иностранными разведками — как один из механизмов внутрипартийной борьбы в коммунистической партии.

Протекавшие в партии дискуссии и разгром фракций воспринимаются как взаимосвязанные явления в рамках сложной существовавшей системы межличностных отношений лидеров партийной оппозиции.

Следует сказать о том, что изучение деятельности сталинской оппозиции — достаточно популярное направление среди исследователей. Однако подробному рассмотрению были подвергнуты лишь основные аспекты этой темы, что бросило своеобразную тень на локальные проблемы.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о «правильности» оппозиционных идеологов в отношении развития Красной армии. Не до конца ясны политические мотивы таких оппозиционеров, как Х.Г. Раковский (1873–1941), Я.Л. Берман (1888–1937), Л.С. Сосновский (1886–1937), М.Н. Рютин (1890–1937). Нет

единства в вопросе самостоятельности оппозиции, недоказанными остаются ее связи с иностранной разведкой.

Немаловажным кажется и отсутствие решения в вопросе предвзятости обвинений приверженцев инакомыслия в диверсионной и террористической деятельности.

Продолжает вызывать вопросы стремление оказать как можно большее давление на обвиняемых в искажении партийной линии. Все это заставляет задуматься о негласно существовавших механизмах внутрипартийной борьбы, один из которых — сознательная дискредитация лидеров оппозиции через обвинения в предательстве идеалов революции и Родины.

Действительно, много проблем исторического характера остаются нерешенными. При этом стоит обратить внимание, что отдельные попытки разобраться в назревших проблемах специалистами ранее предпринимались.

Историк А.В. Резник пришел к выводу, что «фактором поражения оппозиции явилось состояние организованности и сознательности партийной массы, ее отчужденность от сложных политических дискуссий. Конечно, такой субъективный фактор, как деятельность партийного аппарата приводил к дискредитации или запугиванию сторонников демократизации РКП(б)» [12, с. 92].

К весьма интересной оценке деятельности оппозиции и реакции на нее сталинской системы пришел социолог и специалист во истории ВКП(б) В.З. Роговин: «Существовали разные уровни сопротивления сталинизму. Известно множество случаев, когда советские люди, рискуя собственной жизнью, отстаивали доброе имя товарищей. Это был первый уровень противостояния репрессивной машине, но были и более высокие уровни, родившиеся в основном в большевистской среде» [13, с. 156].

Заслуживает внимания оценка, которую дал историк О.В. Хлевнюк: «Обычным приемом критики Сталина являлось его сопоставление с Лениным» [14, с. 148]. Стоит сказать, что на фоне такого подхода подразумевается явное противоречие между политическими курсами.

Очень большая работа проделана военным историком А.А. Здановичем, ближе всех подошедшего к проблеме деятельности оппозиции и иностранной разведки: «В условиях, когда в ВКП(б) шла борьба с оппозиционными группами, сторонникам Сталина и ему самому была далеко не безразлична позиция армейских кругов, которые под лозунгом укрепления национального государства и недопущения анархии могли принять нечто подобное Чан Кайши» [15, с. 107].

Такую оценку следует признать правомерной, учитывая возможность дестабилизации государственной системы при сильных оппозиционных настроениях.

В какой-то степени, имеет смысл солидаризироваться с точкой зрения Д.Л. Голикова: «Вмешательство извне во внутренние дела Советской страны, всесторонняя поддержка, оказываемая контрреволюции, резко активизировали все группы антисоветского лагеря» [16, с. 128].

С учетом оценок специалистов можно говорить о том, что интерес к теме антисоветских центров в целом и сталинской оппозиции в частности достаточно силен. Внимательно изучается возможность альтернативы сталинскому курсу и взаимоотношения высших партийных деятелей. При этом без пристального изучения остаются механизмы дискредитации лидеров оппозиционных течений, слабо учитывается масштаб гонений на стремление к партийному демократизму и обоснованность выдвигаемых обвинений.

В качестве источника, подтверждающего не только интерес к работе

зарубежных спецслужб, но и сознательную дискредитацию лидеров оппозиции по идеологическим мотивам приведена записка начальника разведывательного управления Красной армии С.П. Урицкого в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину [2].

Исходя из текста документа, следует говорить о чрезмерной «демонизации» методов иностранных разведок по вовлечению в шпионскую работу. При этом нельзя исключать возможность вербовки граждан СССР иностранными спецслужбами.

Представляется наиболее вероятным, что обвинения в сотрудничестве с иностранными разведками лидеров фракционных течений стали дополнительным основанием для проведения политических репрессий. Можно отметить официальную позицию по поводу той степени опасности, которую, как представлялось тогдашнему политическому руководству, несла иностранная разведка: «Знание наших военных секретов облегчает врагу возможность нападения, подрывает мощь нашей социалистической родины. Само понятие государственной и военной тайны гораздо шире. Это не только сведения о расположении воинской части или ее количественном составе. Оборона страны зависит от экономики: состояния и перспектив развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Любые сведения о работе советского аппарата — все это помогает строить планы нападения на СССР» [3, с. 3].

Обращает на себя внимание, что угроза шпионажа и антипартийная деятельность представляли одинаковую опасность для вооруженных сил, вследствие чего ОГПУ и ПУР были обеспокоены наличием в РККА инакомыслящих элементов, а факт распространения листовок, содержащих антисоветскую агитацию, заставлял говорить о рисках проникновения идеологически вредного настроения в военный

аппарат. На фоне этого череда арестов высокопоставленных деятелей военного ведомства не выглядит столь нелепо.

Опасность подрыва советской военной инфраструктуры иностранными разведками действительно существовала, однако внутривнутрипартийная борьба заставляла Сталина и его сторонников проявлять осторожность и подозрительность, которой нередко бравировали. Следует полагать, что попытки преувеличить масштаб репрессий и тенденциозность обвинений навеяны оппозиционными настроениями.

Мотивы таких настроений могут казаться вполне обоснованными, так как обвинения в пособничестве иностранным разведкам бросали тень на лидеров оппозиции: «Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму разведывательных органов иностранных государств» [4, с. 4].

Стараясь оправдать себя, фракционеры пытались указать на ошибки сталинского курса. Личность Сталина становилась предметом нападок. Л.Д. Троцкий писал о нем: «Сталин сеял явно злые семена. Лишь значительно позже мне стало ясно, с какой систематичностью он этим занимался. Только этим. Потому что Сталин никакой серьезной работы не выполнял. Первое качество Сталина — лень, получал меня когда-то Бухарин. Второе — непримиримая ненависть к тем, кто знает и умеет больше, чем он» [9, с. 428].

Оценка сталинской политики в негативном ключе со стороны его непосредственных политических противников ясна. Нетрудно сформировать представление о чувствах родственников репрессированных партийцев, обвиненных в заговоре. Изображение Сталина как «кровавого диктатора» в таком контексте

следует воспринимать как психологический реверанс расстрелянным партийцам. Ведь физическое устранение оппонента, с одной стороны, может быть объявлено как сознательное принесение в жертву за отказ от своих идеалов.

С другой стороны, у последователей инакомыслия появляется возможность заявить о недооценке партией отстаиваемых ими идей, недалёковидности выносивших приговор, постигшей страну тирании.

В своих мемуарах А.М. Ларина-Бухарина как раз сделала акцент на масштабах репрессий: «Еще не предъявлен Сталину счет истории за палаческих дел мастерство, составляющее существенную черту его преступной натуры. Еще мало кто знает, какими изощренными методами он действовал, загоняя каждую жертву-палача в ею же оборудованные застенки» [10, с. 94].

При этом общеизвестен тот факт, что Н.И. Бухарин, фактически контролируя печатный орган — газету «Правда», призывал в свое время к расправе над обвинёнными по т. н. «Шахтинскому делу».

Изучая этот показательный процесс, историк С.А. Красильников обратил внимание что «газетно-журнальные полосы в предпроцессный период, а также во время самого суда наполнялись публикациями о реакциях рабочих коллективов на вскрытую экономическую контрреволюцию на Донбассе с требованиями суровой расправы над вредителями» [17, с. 163], т. е. факт психологического давления определенно присутствовал.

Лидеры оппозиционных течений вмешивались не только в политический процесс, но и в военные вопросы. Рассуждая о судьбе революции, один из лидеров оппозиции — Г.Е. Зиновьев — заявлял о неизбежности войны с империалистическим миром. Во избежание нападения

требовалось: «Укрепление СССР и революционное сплочение международного пролетариата. Именно это должно составить одну из практических задач. Необходима пролетарская революция в решающих странах» [11, с. 19].

Партийная пресса и литература являлись основными проводниками дискредитации лидеров оппозиции, в то же время преувеличивались и завышались темпы наращивания вооружений соседних государств. Сознательно делался акцент на развернутой в стране борьбе со шпионами и вредителями, однако имеет смысл допустить, что такого рода обвинения стали своеобразным рычагом в процессе внутрипартийной борьбы для устранения оппонента.

Репрессии коснулись широких слоев населения и стали действительно трагичной вехой в истории советской эпохи. Но следует учесть, что механизм показательных судебных процессов конца 1930-х гг. над «врагами народа» — это элемент внутрипартийной борьбы. Полное отсутствие возможности примирения и компромисса среди бывших ленинских соратников приобрело характер борьбы за выживание в эпоху утвердившейся сталинской диктатуры.

Органы государственной безопасности стали реагировать на поступающие данные о враждебно настроенном человеке или группе лиц. При этом достоверность информации практически не учитывалась. Партийные дискуссии обрастали слухами, домыслами, искажениями, приводили людей в растерянность и замешательство. Подлинное положение дел в партии было известно немногим [6, с. 192–193].

Органы государственной безопасности превратились в орудие массовых репрессий, а периодическая печать освещала деятельность и высказывания лидеров

оппозиции лишь в негативном ключе. Разгром оппозиции и установление сталинского курса стали логичным завершением существовавшего многообразия политических путей. Многие оппозиционные идеи были объявлены вредными и откровенно враждебными, но они не были забыты.

Жестко преследуемая оппозиция стремилась всеми силами взять политический реванш, будучи готова принять любую помощь, в том числе извне. По архивным данным трудно обнаружить свидетельства прямых контактов оппозиции и иностранной агентуры, но и отрицать их совсем оснований нет.

Капиталистические державы, стремясь недопущения усиления военной мощи СССР, следили за развитием внутрипартийной борьбы. При этом лидеры оппозиционных течений оказались бы не только достоверным источником информации о жизни в СССР, но и средством дискредитации советской власти на международной арене.

ОГПУ, выявив в воинских частях анонимные рассылки [1, л. 135–135 об.] с антисоветской пропагандой, предположило курирование отправителей таких материалов иностранной агентурой.

Существовавшие в центрах белой эмиграции (таких как Париж, Берлин, София, Белград, Прага, Харбин) типографии вполне могли напечатать дискредитирующий советское общество материал. К советской власти относились с недоверием, но и интерес к жизни в СССР у мирового сообщества все-таки был.

На фоне противостояния фракционеров и партии раскрывается один из приемов внутрипартийной борьбы — обвинение в шпионаже в пользу иностранного государства. Опровергнуть свою связь с иностранными разведками оказывалось практически невозможно ввиду того, что

теория перманентной революции подразумевала активную работу в периферийных странах.

Влияние идей оппозиции на умы рядовых партийцев было значительным. Ориентироваться в быстро меняющейся обстановке противоборства различных уклонов, лагерей и платформ было трудно. Фанатичность, с которой оппозиция отстаивала свои идеалы, привела к необходимости разгрома всех фракций: «троцкистов», «бухаринцев», «зиновьевцев», «рютинцев», «рыковцев».

Осознание лидерами оппозиционных течений невозможности борьбы в одиночку и их амбициозность заставили искать любую помощь в борьбе с «системой». Это стремление преподносилось как пособничество иностранным державам, не желающим мириться с усилением СССР на международной арене.

В какой-то момент ликвидация оппозиции превратилась в уничтожение всех инакомыслящих под видом необходимости борьбы с возможным становлением в стране «пятой колонны».

На примере приведенного материала можно увидеть, как заработал один из механизмов внутрипартийной борьбы. Обвинение в шпионаже было сопоставимо с обвинением в «троцкизме», в «расколе партии», что наказывалось партией самым жестоким образом.

Дискредитация лидеров оппозиции происходила за счет психологического воздействия на массы, внушений в частности фигурантов показательных судебных процессов к связям с иностранной разведкой. Записка начальника разведывательного управления Красной армии С.П. Урицкого в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину о подготовке статей, освещающих принципы работы иностранного шпионажа, служит свидетельством масштаба развернувшейся печатной кампании по

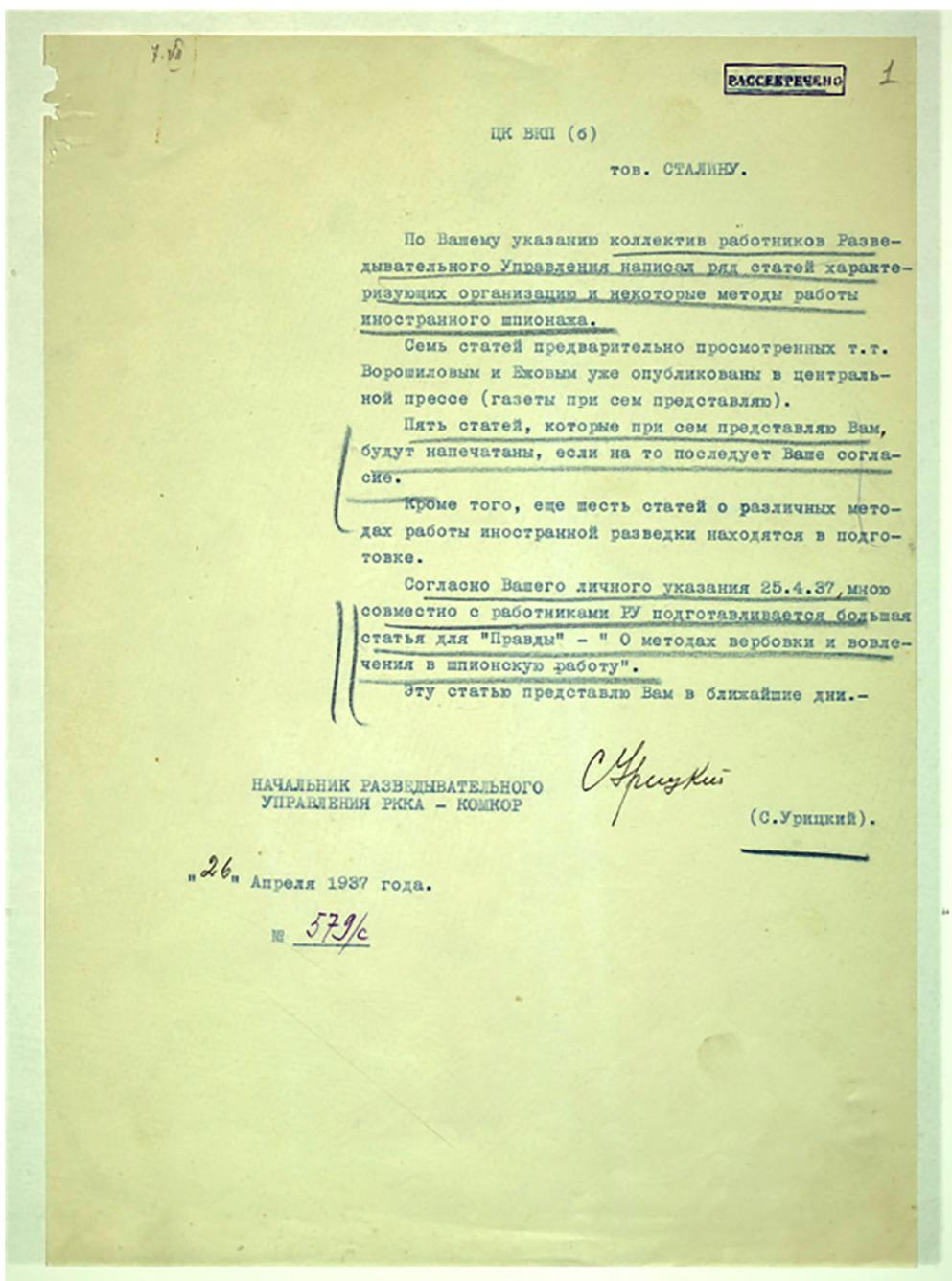

Рис. 1. РАГСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1594. Л. 1.

Записка начальника разведывательного управления Красной армии С.П. Урицкого в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину о подготовке статей, освещающих принципы работы иностранного шпионажа. 26 апреля 1937 г. Машинописный текст. Подлинник.

освещению методов вербовки вражескими спецслужбами.

Причину всплеска «шпиономании» 1930-х гг. следует искать не только в геополитическом противостоянии капиталистических держав и СССР, но и в процессах внутривнутрипартийного противостояния сформировавшихся лагерей.

Не исключено, что при помощи оппозиции иностранная резидентура стремилась ослабить военную и политическую мощь СССР. Во всяком случае попытки

установить контакты иностранной разведки с фракционерами не стоит отрицать.

До сих пор не определена регулярность этих попыток. Для ответа на этот вопрос еще предстоит проработать достаточно большой объем архивных материалов, поскольку говорить об иностранном влиянии на данный момент можно только по косвенным признакам. А это значит, что итог в обсуждении проблемы взаимодействия партийных фракционеров с иностранными государствами еще не подведен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 28. Д. 136. Л. 135–135 об.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1594. Л. 1.
3. *Рубин, Н., Серебров, Я.* О подрывной деятельности фашистских разведок в СССР и задачах борьбы с ними // Правда. 1937. № 208 (7174). 30 июля.
4. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Электричество. 1937. № 8. С. 1–15.
5. Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. Т. 1–4. М.: Терра, 1990.
6. Внутривнутрипартийные дискуссии 20-х годов. Дискуссии 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5 (304). С. 165–180.
7. «Заявление 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б). 15 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6 (305). 189 с.
8. Платформа «Союза марксистов-ленинцев» (группа Рютина) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10 (309). 191 с.
9. *Троцкий, Л.Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. 605 с.
10. *Ларина-Бухарина, А.М.* Незабываемое: о Н.И. Бухарине. М.: Изд-во АПН, 1989. 365 с.
11. *Зиновьев, Г.Е.* Наше международное положение и опасность войны // Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. Т. 4. М.: Терра, 1990. С. 19–29.
12. *Резник, А.В.* Троцкизм и левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924. М.: Свободное марксистское издательство, 2010. 113 с.
13. *Роговин, В.З.* Партия расстрелянных: о политических событиях в СССР после июньского пленума ЦК ВКП(б). М.: Б. и., 1997. 526 с.
14. *Хлевнюк, О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.
15. *Зданович, А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2009. 802 с.
16. *Голишков, Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М.: Политиздат, 1986. 332 с.
17. *Красильников, С.А.* Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г. // ЭКО. 2018. № 6. С. 153–174.

REFERENCES

1. *Rossiiskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [Russian State Military Archive], fund 9, inventory 28, file 136, sheets 135–135. (in Russ.)
2. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], fund 558, inventory 11, file 1594, sheets 1. (in Russ.)
3. Rubin, N., Serebrov, Ya. O podryvnoj deyatelnosti fashistskikh razvedok v SSSR i zadachah borby s nimi [On the Subversive Activities of Fascist Intelligence Services in the USSR and the Tasks of Combating Them], *Pravda* = Truth, 1937, No. 208 (7174), July 30. (in Russ.)
4. O nedostatkah partijnoj raboty i merah likvidacii trockistskikh i inyh dvurushnikov. Doklad tovarishcha Stalina na Plenumе CK VKP(b) 3 marta 1937 g. [On the Shortcomings of Party Work and Measures to Eliminate Trotskyist and Other Double-Dealers. Comrade Stalin’s Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on March 3, 1937], *Elektrichestvo* = Electricity, 1937, No. 8, pp. 1–15. (in Russ.)
5. *Arhiv Trockogo: Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR, 1923–1927* [Trotsky’s Archive: The Communist Opposition in the USSR, 1923–1927, vol. 1–4]. Moscow, Terra, 1990. (in Russ.)
6. Vnutripartijnye diskussii 20-h godov. Diskussii 1923 g. [Intra-Party Discussions of the 20s. Discussions of 1923], *Izvestiya CK KPSS* = News of the Central Committee of the CPSU, 1990, No. 5 (304), pp. 165–180. (in Russ.)
7. “Zayavlenie 46-ti” v Politbyuro CK RKP(b). 15 oktyabrya 1923 g. [“Statement of 46” in the Politburo of the Central Committee of the RCP(b). October 15, 1923], *Izvestiya CK KPSS* = News of the Central Committee of the CPSU, 1990, No. 6 (305), 189 p. (in Russ.)
8. Platforma “Soyuza marksistov-lenincev” (gruppa Ryutina) [Platform of the “Union of Marxists-Leninists” (Ryutin Group)], *Izvestiya CK KPSS* = News of the Central Committee of the CPSU, 1990, No. 10 (309), 191 p. (in Russ.)
9. Trockij, L.D. *Moya zhizn: Opyt avtobiografii* [My Life: The Experience of Autobiography]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1992, 605 p. (in Russ.)
10. Larina-Buharina, A.M. *Nezabyvaemoe: o N.I. Buharine* [Unforgettable: About N.I. Bukharin]. Moscow, Izdatelstvo agentstva pečati “Novosti”, 1989, 365 p. (in Russ.)
11. Zinovev, G.E. Nashe mezhdunarodnoe polozhenie i opasnost vojny [Our International Situation and the Danger of War]. In: *Arhiv Trockogo: Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR, 1923–1927. T. 4* [Trotsky’s Archive: The Communist Opposition in the USSR, 1923–1927, vol. 4]. Moscow, Terra, 1990, pp. 19–29. (in Russ.)
12. Reznik, A.V. *Trockizm i levaya oppozitsiya v RKP(b) v 1923–1924* [Trotskyism and the Left Opposition in the RCP (b) in 1923–1924]. Moscow, Svobodnoe marksistskoe izdatelstvo, 2010, 113 p. (in Russ.)
13. Rogovin, V.Z. *Partiya rasstrelyannyh: o politicheskikh sobytiyah v SSSR posle iyunского plenuma CK VKP(b)* [The Party of the Executed: On Political Events in the USSR after the June Plenum of the Central Committee of the CPSU(b)]. Moscow, 1997, 526 p. (in Russ.)
14. Hlevnyuk, O.V. *1937-j: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet Society]. Moscow, Respublika, 1992, 268 p. (in Russ.)
15. Zdanovich, A.A. *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaya armiya* [State Security Bodies and the Red Army]. Moscow, Iks-Histori; Kuchkovo pole, 2009, 802 p. (in Russ.)
16. Golinkov, D.L. *Krushenie antisovetskogo podpolya v SSSR* [The Collapse of the Anti-Soviet Underground in the USSR]. Moscow, Politizdat, 1986, 332 p. (in Russ.)

17. Krasilnikov, S.A. Insceniruyushchaya diktatura. 90 let Shahtinskomu processu 1928 g. [Staged Dictatorship. 90 Years of the Shakhty Process of 1928], *ЕКО* = ECO, 2018, No. 6, pp. 153–174. (in Russ.)
-

Черепанов Александр Владимирович, аспирант, кафедра новейшей отечественной истории, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, aleks.1100@mail.ru

Alexander V. Cherepanov, Graduate Student, Modern Russian History Department, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, aleks.1100@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.08.2022. Принята к публикации 23.09.2022

The paper was submitted 08.08.2022. Accepted for publication 23.09.2022